

НАТАЛЬЯ КАШИНА

ПОДВЕНЕЧНОЕ ПЛАТЬЕ

16+

Наталья Кашина

Подвенечное платье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68051470

SelfPub; 2022

Аннотация

Вчерашняя выпускница Смольного института благородных девиц Анфиса Знаменская становится гувернанткой в доме купца Еремеева. Анфиса счастлива своему назначению, ведь для нее это единственный способ честно зарабатывать на жизнь. Однако на спокойную жизнь на новом месте рассчитывать не приходится. Только зайдя в дом, Анфиса узнает, что старшая дочь купца бесследно пропала. Молодая гувернантка волей случая становится участницей поисков пропавшей девушки и раскрывает в себе не только педагогический талант, но и талант сыщика.

Содержание

Подвенечное платье	4
Глава 1. Институтка	4
Глава 2. В доме купца Еремеева	25
Глава 3. Встреча в магазине готового платья	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Наталья Кашина

Подвенечное платье

Подвенечное платье

Глава 1. Институтка

– Эй, шельма! Круп подбери!

– Куда прешь, не видишь, что ли?

Под эти крики Анфиса на ходу спрыгнула из коляски на подножку, а затем и на тротуар неподалеку от Александрийского театра. Сделала она это как нельзя вовремя, в ту же секунду повозка, в которой она ехала, с отвратительным скрежетом столкнулась с экипажем, мгновением ранее остановившимся у тротуара. Запряженная в пострадавший экипаж лошадь, не выдержав подобного надругательства, таки изогнулась и укусила извозчика, правившего коляской Анфисы. Укушенный в долгу не остался и ловко двинул ретивой скотине промеж глаз, вызвав еще большее волнение среди плотно приставленных друг к другу пролетов.

Анфиса подумала, что надо было идти пешком. Отсюда до Смольного рукой подать, а вот проехать на извозчике по Невскому в воскресный полдень – задача не из простых. Но

классная дама, к которой за годы обучения девушка прониклась не только любовью, но и уважением, граничащим со священным страхом, уверяла, что приличные барышни не тащат свою поклажу аки выючные мулы. Что, конечно, было справедливым замечанием.

Правда, никакой особенной поклажи у Анфисы не было. Скончавшаяся год назад тетка любезно избавила племянницу от какой бы то ни было собственности, отписав по духовной все семейное имущество церкви. Так что весь багаж вчерашней институтки состоял из крохотного потертого чемоданчика, с которым она когда-то и приехала в Смольный, и небольшой стопки книг, ставшей единственным ее сокровищем. Других вещей у Анфисы не было.

Родителей она потеряла в возрасте пяти лет и уже с трудом могла припомнить их лица. Благо, казарменная, если не сказать тюремная, жизнь в институте благородных девиц, казалось, была создана для того, чтобы оборвать всякое общение с семьей, и потому за все время обучения девушка редко чувствовала себя несчастной. Разве что ежегодный семейный день, когда домашние имели право навещать воспитанниц в присутствии классных дам, давался Анфисе нелегко. За все девять лет обучения к ней так никто ни разу и не приехал.

Но сейчас девушка была не склонна себя жалеть, ведь ей наконец-то улыбнулась удача. Понимая финансовое положение Анфисы, а именно крайнюю степень нужды, в которой

она оказалась и которая могла толкнуть девушку на путь недостойный обладательницы золотого шифра, классная дама выхлопотала для Анфисы место гувернантки в одном из самых богатых домов Петербурга. Несмотря на юный возраст и отсутствие опыта у подопечной, наставнице каким-то удивительным образом удалось убедить купца Еремеева, что лучшая выпускница этого года станет идеальной гувернанткой для его младших дочерей.

Такое участие к судьбе воспитанницы со стороны классной дамы отчасти объяснялось личной симпатией, а отчасти незаурядными достоинствами самой выпускницы, включавшими в себя помимо академических знаний феноменальные логические способности и чрезвычайную наблюдательность.

И вот сейчас Анфиса любовалась не зданием столичного театра, а находящимся напротив от него единственным в столице трехэтажным магазином с невероятными витринными окнами, двухметровыми бронзовыми статуями и затейливой декоративной решёткой. Торговый дом купца Еремеева был известен на всю империю, так как именно у него были права на импорт многих редких заграничных товаров, таких как: какао, молочная мука и редкие сорта пряностей. Управление таким крупным предприятием отнимало много времени и заставляло купца постоянно находится в разъездах, надолго лишая возможности жить вместе с детьми в Петербурге. К тому же Еремеев был вдовцом и, по всей видимости, не собирался вновь обзаводиться женой, что делало

должность гувернантки в его доме особенно желанной. В отсутствии хозяина и хозяйки дома гувернантка могла рассчитывать на определенную степень самостоятельности, а именно о свободе мечтала девушка, с самого детства вынужденная всегда и во всем себя ограничивать.

Пройдя мимо витрины магазина, Анфиса мимоходом взглянула на свое отражение: чуть волнистые, соломенного цвета волосы были аккуратно убраны под шляпку (прощальный подарок классной дамы). А яркие, эффектно контрастирующие с цветом волос карие глаза изящной миндалевидной формы, лучились предвкушением новой, самостоятельной жизни. Привлекательная аристократичная внешность была, пожалуй, единственным наследством, доставшимся Анфисе от покойных родителей.

Дом купца находился прямо за зданием магазина и выглядел куда менее помпезно, нежели магазин, однако, его отполированная до блеска резная дубовая дверь давала четкое представление о благосостоянии живущей за ней семьи. У двери стоял средних лет привратник в новой, хорошо скроенной ливрее. Вежливо поздоровавшись, Анфиса назвала свое имя, но мужчина никак не отреагировал. Тогда Анфиса решила повторить:

– Мое имя – Анфиса Алексеевна Знаменская. Я новая гувернантка в семье Еремеевых. Соблаговолите, пожалуйста, проводить меня к вашему хозяину.

Но привратник оставался невозмутим:

– Не положено, барышня. Хозяина дома нету. Ступали бы вы отсюда.

Анфиса видела боковым зрением, что извозчик уже вытащил ее немногочисленные пожитки из коляски и, бурча какие-то проклятия, семимильными шагами шел по направлению к ней. Ужас ситуации состоял в том, что Анфисе было совершенно некуда идти, ее кровать в дортуаре уже сегодня ночью должна занять новая воспитанница. Да у нее даже денег на извозчика нет!

– Боюсь, любезный, вы меня не поняли.

Девушка достала из кармана небольшой конверт с письмом Еремеева, в котором ее приглашали прибыть сегодня по указанному адресу не позднее полудня.

– Вот видите, Знаменская Анфиса Алексеевна!

Тем временем злой как черт извозчик небрежно поставил перед Анфисой вещи и молча поспешил обратно к лошади.

– Барыня, милая. Ну не могу я. Не могу. Никого пускать не велено.

– Да как же это не велено?!

Спустя еще несколько минут противостояния Анфиса поняла, что напрямую сломить сопротивление привратника не удастся. Тогда она всем своим видом изобразила расстройство и полную покорность судьбе.

– Но что же мне теперь делать? Любезный, раз уж так вышло, не поможешь поймать извозчика? Мой-то уже уехал...

Немного посомневавшись и даже покосившись на вход-

ную дверь, привратник таки подхватил с мостовой Анфисины вещи, показывая готовность помочь незадачливой барышне.

Вот только Анфиса так просто сдаваться не собиралась. Пропустив привратника вперед и даже сделав вслед за ним пару шагов, она резко развернулась обратно к дому и дернула ручку, удивившись тому, как легко поддалась массивная дверь.

Впрочем, причина покладистости двери тут же прояснилась. Все дело в том, что когда Анфиса потянула на себя, с другой стороны дверь уже открывал выходящий из дома молодой мужчина. Спешащая попасть внутрь Анфиса с разбега столкнулась с широкой грудью выходящего, да так сильно, что курносый носик буквально впечатался в одну из холодных серебряных пуговиц на сюртуке незнакомца, а шляпка сползла на затылок.

Спустя мгновение, показавшееся Анфисе вечностью, крупные ладони мужчины легли на ее плечи и вежливо, но твердо отстранили девушку на почтительное расстояние.

Откуда-то со стороны раздался перепуганный голос привратника:

– Александр Иванович, прошу прощения, не уследил! Я буквально на минутку, хотел ей помочь, думал, что передо мной приличная барышня, а она в дверь!

Но господин в сюртуке с серебряными пуговицами обратился к Анфисе, а не к привратнику:

– Как вас зовут, сударыня?

– Знаменская Анфиса Алексеевна. Гувернантка, – в который раз повторила Анфиса.

Вся эта ситуация казалась ей ужасно нелепой, лицо от корней волос до самой шеи залилось густым румянцем, и бойкая в обычное время девушка даже не смела поднять глаза на говорившего.

Александр тем временем обернулся к лакею и строго сказал:

– Сегодня Еремeeвы и вправду ожидают прибытия Анфисы Алексеевны. Видимо из-за событий этого утра тебя, Федор, просто не успели предупредить. Будь добр, проводи Анфису Алексеевну в дом.

С этими словами Александр быстро коснулся полей своего котелка, давая понять, что на этом их с Анфисой разговор закончен, и еще быстрее удалился в сторону магазина. Анфиса даже не успела толком разглядеть лица, отметив лишь, что он был гладко выбрит, а волосы были не по моде длинными, почти до плеч. Ей показалось ужасно невежливым, что мужчина не пожелал должным образом представиться, но вспомнив то, как каких-то пару мгновений назад она сама налетела на него в дверях, снова покраснела.

Федор же уже открывал перед нею дверь, и Анфиса, собрав остатки достоинства и поправив шляпку, вошла в переднюю.

Внутри дом был обставлен лаконично, видно, что выбор

между вычурностью и комфортом сделали в пользу последнего. Освещение исключительно электрическое, при этом о недостатке светильников даже говорить не приходилось, только в одной передней Анфиса насчитала семь электрических ламп. Из просторной прихожей наверх вела широкая мраморная лестница. Направо была оставлена приоткрытой дверь кабинета, где, по всей видимости, проводились рабочие встречи, налево же располагалась большая гостиная, откуда доносились детские голоса.

Федор, явно все еще обиженный на Анфису, счел возможным проводить девушку только до передней. Поставив ее вещи на небольшой столик у зеркала, он крайне формально поклонился и, не сказав более ни слова, вышел на улицу. Анфиса осталась предоставленной сама себе.

Посчитав, что надеется на милость судьбы глупо, девушка сняла старенькие перчатки, пальто и шляпку, поправила перед зеркалом волосы и решительно вошла в гостиную. Из наставлений классной дамы она хорошо помнила, что первое впечатление, произведенное на воспитанниц крайне сложно будет исправить, поэтому девушка постаралась придать лицу выражение строгое, но вместе с тем доброжелательное.

Войдя в гостиную Анфиса была несколько озадачена представшей перед нею картиной. На изящном диване сидела молодая девушка в униформе няни и изо всех сил старалась успокоить плачущего мальчонку лет пяти. Ребенок вел себя возмутительно, он буквально заливался слезами и каза-

лось, что уже не мог остановиться. Вокруг дивана суетились две девочки погодки, по всей видимости, будущие Анфисины подопечные. В отличие от брата, сестры не плакали, но и их лица выражали крайнюю степень беспокойства.

На вошедшую в гостиную Анфису никто из присутствующих внимания не обратил.

Слегка кашлянув, она в очередной раз представилась:

– Прошу прощения, меня зовут Анфиса Алексеевна. Я прибыла, чтобы занять место гувернантки. Могу я видеть Еремеева Петра Ивановича?

Услышав, а мгновение спустя и разглядев стоящую в дверях Анфису, няня вскочила с дивана и начала было что-то сбивчиво объяснять, но ее тутже перебил другой, гораздо более властный голос:

– Мы вас ждали, Анфиса Алексеевна. Срочные дела вынудили Петра Ивановича спешно покинуть дом. Пожалуйста, ступайте за мной, я покажу вашу комнату.

Обладательницей голоса была женщина средних лет, одна из тех, внешний вид которых однозначно давал понять, что перед вами – старая дева. Тело таких женщин, как правило, не приобретает с годами мягкой округлости, являющейся своего рода печатью счастливого замужества и материнства. Вошедшая в гостиную вслед за Анфисой дама, казалось, вся была скроена из углов и прямых линий. Длинная шея поддерживала вытянутое лицо с резкими скулами и опять же вытянутыми носом и подбородком.

И снова Анфиса возмутилась тому, что женщина не представилась, как этого следовало бы сделать при первом знакомстве. У девушки складывалось впечатление, что сегодня она единственная, кто заботится о такой вещи, как этикет. Однако, терпеть это более она была не намерена:

– Прошу прощения, могу я узнать ваше имя?

Дама явно не любила, когда ей указывали на оплошности. Прогнувшись в пояснице так сильно, что казалось еще чуть-чуть и она сломается, женщина гордо произнесла:

– Глафира Матвеевна, экономка.

– Очень рада знакомству, Глафира Матвеевна. Могу я попросить вас представить мне остальных присутствующих?

Анфису терзала догадка, что сегодня в доме произошло что-то из ряда вон выходящее. Уж слишком взволнованными, даже перепуганными выглядели дети. Но уйти из комнаты за экономкой прямо сейчас показалось Анфисе в корне неправильным. Игнорировать воспитанниц значит обесценивать их присутствие. А, учитывая врождённую способность всех детей копировать поведение старших, проигнорируй она девочек сейчас, и в будущем уже не стоит рассчитывать на внимание с их стороны.

Гувернантка подошла к девочкам. И они тут же коснулись подолов своих платьев и слегка присели в поклоне. Затем поочередно назвали свои имена. Младшую звали Катя, ей было всего девять лет, но из-за того, что она была доволь-

но рослой, выглядела немного старше своего возраста. Старшая Лиза от природы обладала тонкими чертами лица, ей было уже двенадцать, но из-за своего телосложения выглядела она лишь немногим старше сестры. Анфиса похвалила девочек за хорошие манеры и попросила их после обеда зайти в классную комнату, чтобы как следует познакомиться. Малыш на руках у няни немного затих, наблюдая за разговором, но горе его, по всей видимости, было так велико, что даже появление нового человека в доме не могло полностью отвлечь от переживаний. Как только Анфиса вышла из гостиной вслед за экономкой, он снова расплакался.

Глафира Матвеевна явно тяготилась тем, что была вынуждена тратить свое время на новую гувернантку. Она сухо и кратко поведала Анфисе, что помимо Еремеевых в доме постоянно проживают только она, няня Софья Петровна и управляющий торговым домом Еремеева Александр Иванович Лисицын. Хозяин не любит в доме чужих людей, а потому все горничные, лакеи и даже кухарка живут в городе и на ночь не остаются.

Но эти дежурные сведения, хотя и представляли для девушки некоторую ценность, все же не отвечали на главный вопрос, терзавший Анфису с первых минут появления. Набравшись смелости, Анфиса перебила тараторящую как сорока экономку:

– Глафира Матвеевна, прошу прощения, но не могли бы вы все-таки рассказать, что тут произошло? Дети напуганы,

Петра Ивановича нет дома, хотя он сам попросил прибыть меня именно сегодня. Если в доме случилось какое-то несчастье, мне бы хотелось об этом знать, хотя бы для того, чтобы еще больше не потревожить детей...

Экономка резко развернулась и посмотрела на Анфису. Впрочем, девушке казалось, что женщина перед ней, должно быть, все делала резко. Анфиса не могла отделаться от мысли, что экономка представляла собой существо прямолинейное, иссушенное и лишенное какого-либо истинного чувства. Она Анфисе решительно не нравилась.

– Что ж, вы правы, дети в любом случае вам обо всем расскажут, – по-своему поняла слова Анфисы женщина. – Сегодня утром у нас действительно случилось пренеприятное происшествие. Старшая из сестер, Татьяна, пропала из своей комнаты. В доме была полиция и перепугала детей, а Петр Иванович лично возглавил поиски, поэтому не смог встретить вас. Надеюсь, я удовлетворила ваше любопытство?

Слова экономки никак не укладывались у Анфисы в голове. Неужели эта женщина правда считает, что детей напугала полиция, а не исчезновение родной сестры? Да и как она может так спокойно говорить о пропаже барышни, будто ничего особенного и не случилось. Но безэмоциональная экономка опять принялась с невероятной скоростью говорить о всяких мелочах, лишая Анфису возможности задать хотя бы еще один вопрос, и, лишь закончив, по всей видимости, заранее заготовленную речь, обратилась к девушке:

– Надеюсь, вас не нужно предупреждать о том, что обсуждать с кем-либо сегодняшнее происшествие не стоит. Петр Иванович высоко ценит в людях два качества: преданность и тактичность. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Вот уже двадцать лет я служу в этом доме. Если вы тоже намеренны тут задержаться, призываю следовать моему примеру и не задавать лишних вопросов. – С этими словами Глафира Матвеевна подвела девушку к двери ее комнаты, после чего попрощалась, сказав, что обед подадут через четверть часа.

Анфиса открыла дверь и на мгновение забыла обо всем на свете. Ее новое жилище превзошло самые смелые фантазии. Это была в целом обычная светлая комната, с широкой кроватью, платяным шкафом и письменным столом, но для Анфисы, которая последние девять лет провела в общей спальне с двенадцатью воспитанницами, отдельная комната была пределом мечтаний. А тут было целых два окна! Затем молчаливая, но вежливая горничная принесла Анфисе обед – рыбный суп с расстегаем, и настроение девушки, изрядно подпорченное происшествием на входе в дом и холодностью экономки, заметно улучшилось.

Однако, стоило только Анфисе зайти в классную комнату, как она буквально физически ощутила горе ожидавших ее воспитанниц. Ни о каких занятиях сегодня речи быть не могло, и Анфиса сразу поняла, что лучшее, что она может сейчас сделать, так это разделить с девочками их волнения о сестре. Лиза и Катя рассказали новой гувернантке, что, по-

теряв маму пять лет назад при рождении брата, они очень сблизились с Таней. Ей в этом году должно было исполниться уже восемнадцать, и, будучи гораздо старше остальных сестер, она взяла на себя большую часть забот о них. Катя и Лиза очень любили Таню и искренне не понимали, что могло случиться прошлой ночью. По их словам, сбежать из дома сестра не могла, так как просто не оставила бы их. Обе девочки предполагали самое худшее, и то и дело на глазах у них выступали слезы.

Анфиса изо всех сил старалась успокоить сестер, уверяя, что у их отца достаточно связей и возможностей, чтобы как можно скорее отыскать Таню и вернуть домой. Лизе и Кате явно не хватало человека, с которым они могли откровенно поговорить о страхах и переживаниях, и, расставаясь с новой гувернанткой, они искренне поблагодарили ее за проявленную к ним доброту.

Вернувшись от девочек в свою комнату, Анфиса обнаружила на подносе ужин. Очевидно, экономка решила не накрывать в столовой в отсутствие хозяина. Поев и развесив в просторном шкафу свои немногочисленные вещи, Анфиса провела пару часов за чтением и даже не заметила, как за окном стемнело. Все это время Анфиса старалась привести в порядок мысли, но так и не смогла унять беспокойство, вызванное исчезновением старшей из сестер Еремеевых. Благовоспитанная барышня, выросшая в достатке и окруженная любящими родными, исчезает из собственного дома и никто

этого не замечает?! Это же нонсенс!

Проворочавшись в постели еще пару часов, Анфиса оставила всякую надежду заснуть и села на кровати. Ей ужасно хотелось выпить теплого чая, чтобы успокоить расшатанные за день нервы. Но в комнате был лишь графин с водой. Вспомнив слова экономки о том, что вся прислуга на ночь покидает дом, Анфиса вообразила, что никого не побеспокоит, если спустится в кухню. На секунду правда девушка замерла в раздумьях – стоит ли выходить наружу в одной ночной рубашке? Халата у нее не было. Отбросив сомнения, девушка накинула на плечи тонкий шерстяной платок и все-таки вышла из комнаты.

Стоило только Анфисе сделать несколько шагов по коридору, как на лестнице послышались чьи-то шаги. Испугавшись, что ее увидят в неподобающем виде, Анфиса спряталась в ближайшей комнате, дверь в которую была оставлена приоткрытой.

Звук шагов прекратился, а может его и вовсе не было. Сердцебиение перепуганной Анфисы пришло в норму, и она уже было хотела вернуться к себе, но тут взгляд упал на длинные стеллажи книг, возле которых она все это время пряталась. В тусклом свете уличного фонаря, освещавшего комнату через незашторенное окно, девушке вначале даже показалось, что она находится в библиотеке, такой просторной было помещение, в котором она оказалась. Однако, приоткрывшись повнимательнее, Анфиса обнаружила стоящую

под балдахинном изящную кровать и догадалась, что, скорее всего, находится в комнате Тани. Мысль о том, что именно тут жила пропавшая девушка, возбудила любопытство Анфисы, и она не смогла удержаться от того, чтобы не осмотреться.

Комната была очень просторной, это было, пожалуй, даже несколько комнат, разделенных между собой не дверьми, а декоративными драпировками. Тут была ниша-спальня, ниша-гардеробная и даже отдельная ниша с туалетным столиком. А у одного из окон стоял широкий письменный стол на тонких резных ножках. Но самым удивительным было великолепное собрание книг. Анфиса провела пальцем по корешкам – труды по географии, теологии и истории. По всей видимости, Татьяна была начитанной молодой барышней и интересовалась миром вокруг себя. Правда, попадались и непонятные для Анфисы издания, такие как «Полное руководство по хиромантии» или «Искусство астрологии».

Осмотрев комнату, Анфиса обнаружила занятную вещь – на прикроватном столике лежала колода карт Ленорман. Как-то раз одна из учениц Смольного пронесла такие в общую спальню. Узнав про это, классные дамы, конечно, карты забрали и строго побеседовали с воспитанницами, но Анфиса запомнила некоторые изображения и без труда узнала колоду для гадания. Удивительной была и еще одна деталь – в качестве пресс-папье Татьяна использовала небольшой стеклянный шар на оловянной подставке. Создавалось впечатление,

чатление, что старшая дочь купца не на шутку увлекалась всем загадочным и эзотерическим.

Размышляя об увлечениях Татьяны, Анфиса бессознательно перекладывала небольшую стеклянную сферу из одной руки в другую. Вдруг за окном пронзительно завывла собака, и девушка, вздрогнув от неожиданности всем телом, выронила шар из рук.

Невероятное везение Анфисы состояло в том, что пол комнаты был застлан мягким, ворсистым ковром. Поэтому упав, шар не разбился и не наделал много шума. Лишь приземлился с глухим стуком и медленно покатился под кровать. Анфиса встала на колени и слепо поводила под кроватью руками. Пресс-папье она обнаружила быстро, но, помимо шара, рука нащупала картонную коробку чем-то похожую по форме на шляпную, но, пожалуй, крупнее.

Подняв с пола и шар, и коробку, девушка мысленно поблагодарила горничных за усердие, так как даже под кроватью пыли не было совершенно. Вернув шар на его законное место на столе, Анфиса обратилась к коробке и, двигая природным любопытством, отрыла крышку. Удивлению девушки не было предела. Перед ней, поблескивая шикарнейшей вышивкой, лежало нежно-бежевое подвенечное платье. Какое кощунство хранить такую красоту под кроватью!

Платье так и манило. За всю жизнь Анфисе ни разу не доводилось бывать на венчании или даже издали видеть это таинство. С девочками в Смольном они иногда болтали о пла-

тых и замужестве, подолгу разглядывали свадебные портреты членов императорской семьи, но еще никогда Анфисе не приходилось рассматривать настоящий свадебный наряд.

Ругая себя за легкомыслие, Анфиса достала платье из коробки, обещая уложить его обратно в точности, как оно и лежало. Но не успела она вытащить свадебный наряд, как из его складок выпал небольшой листок бумаги, сложенный вдвое.

Это была короткая записка следующего содержания:

«Татьяна,

Ты искала моего совета. И это мой способ дать его тебе. Подвенечное платье не принесло мне счастья, и я заклинаю тебя, дитя мое, никогда не надевай подвенечного платья – ни этого, ни какого-либо другого. Замужество станет твоим тяжким бременем. Молю, внемли моим словам.

С любовью, маменька».

Чтобы прочесть записку, Анфисе пришлось встать ближе к окну. Света фонаря едва хватило, чтобы хоть как-то разобрать слова в послании. Однако, дочитав до точки, девушка ощутила дрожание рук. Письмо было отправлено Татьяне ее покойной матерью, которая умерла родами сына несколько лет назад!

Анфиса пару раз глубоко вдохнула и выдохнула, напоминая себе, что в отличие от, по всей видимости, впечатлительной Татьяны, она не верит во всякого рода магию и ворожбу. А значит есть только три варианта происхождения подобной

записки. Первый, записка была написана еще при жизни купеческой жены, то есть более пяти лет назад, и пролежала в коробке все эти годы. Второй, записку мог написать кто-то другой, жестоко подшутив над суеверной Таней. И третий, самый невероятный, мать Тани жива, и тут нет никакой мистики. По какой-то причине купец просто разыграл смерть жены, а Таня об этом узнала и принялась искать пропавшую мать. Быть может именно в этом и кроется тайна исчезновения девушки?

Вариант со всеобщим заговором показался гувернантке слишком надуманным. А вот злая шутка действительно могла иметь место. Анфисе пришло в голову, что спрятав записку в коробку с платьем, злоумышленник быть может желал, чтобы его послание не попало на глаза кому-нибудь из входящих в дом, а было доставленно прямо в руки Тани.

Подумав об этом, Анфиса моментально охладела к платью. Из чего-то особенного, почти сакрального, оно превратилось в банальный предмет розыгрыша. Кто знает, может девушка, перепуганная подарком, сбежала из дома? А может и вовсе замыслила что-то богопротивное?

Отправляясь сегодня утром в дом Еремеевых, Анфиса даже не догадывалась, какими богатыми на события станут для нее этот день и ночь. Стоило девушке только выйти из спальни Татьяны, как она услышала приглушенные голоса на первом этаже. Чтобы дойти до своей комнаты, Анфисе нуж-

но было пройти мимо лестницы, и, чтобы случайно себя не выдать, она замерла в тени громадных напольных часов, в нескольких шагах от перилл.

Разобрать разговор людей на первом этаже было невозможно, до слуха Анфисы доносились лишь обрывки слов, по которым можно было судить лишь об интонации собеседников. Один из говорящих был молодым мужчиной, по всей видимости, тем самым Александром Ивановичем, на которого Анфиса налетела сегодня днем. Александр старался говорить тихо, но его бархатистый баритон зычно разливался в тишине. Разговаривал мужчина с дамой, должно быть, средних лет. В голосе собеседницы не слышалось ни дребезжащих старческих, ни высоких юношеских нот. В какой-то момент дама подошла совсем близко к первому маршу лестницы, так что Анфиса смогла увидеть лиловый подол ее шелкового платья. Посему выходило, что женщина была благородного происхождения и, вполне возможно, уже не слишком молода, так как юные девушки старались по возможности избегать в одежде «вдовый» лиловый цвет.

Создавалось впечатление, что женщина прекрасно владела как своими эмоциями, так и голосом. А вот про Александра того же сказать было нельзя. Анфисе показалось, что мужчина чем-то недоволен, но что его возмутило, девушка расслышать не смогла. Спустя непродолжительное время раздался звук закрывающийся двери, и мужчина уверенной походкой вышел из передней в кабинет.

Дама ушла.

Убедившись, что более ей ничего не угрожает, Анфиса вышла из убежища и, стараясь ступать как можно тише, прошла к себе в комнату. На сегодня впечатлений было более чем достаточно. Анфиса быстро легла в кровать, забралась с головой под одеяло и наконец-то заснула. До рассвета оставалось несколько часов.

Глава 2. В доме купца Еремеева

После ночных походов по дому, на следующее утро Анфиса едва не проспала. Хорошо еще что горничная, которая вчера приносила обед, проявила заботу и деликатно постучала в дверь спальни, поинтересовавшись не надобно ли барышне чего-нибудь. Этот стук моментально привел Анфису в чувство. Годы, проведенные в дортуаре Смольного, помогли ей быстро одеться и привести себя в порядок. И уже через десять минут Анфиса была в столовой.

Завтрак был накрыт на три персоны. За столом уже сидел Александр Иванович с экономкой. Анфиса зашла в столовую в тот момент, когда экономка спрашивала у управляющего, не отлучался ли он куда-либо прошлой ночью. По ее словам, верхний замок входной двери сегодня утром не был заперт, а она всегда закрывает на оба замка.

– Повинен, Глафира Матвеевна. Сознаюсь. Вчера в первом часу ночи приехал нарочный со срочными бумагами. Вас беспокоить в такой час не хотелось, благо открыть верхний замок можно и изнутри.

– Благодарю, но вы впредь так лучше не делайте. После того что случилось, Петр Иванович строго наказал дверь запирать как следует, а мне в его отсутствие ключ от верхнего замка беречь как зеницу ока.

Видимо, у вошедшей в столовую Анфисы было такое за-

интересованное выражение лица, что поздоровавшись с нею, Александр тут же пояснил:

– Видите ли, Анфиса Алексеевна, входная дверь в этом доме запирается на два замка. Ключ от нижнего есть у всех домашних, полагаю, выдадут его и вам. А вот верхний замок особенный, его механизм позволяет при необходимости любому открыть его изнутри, но вот ключа от него осталось всего два: один у Петра Ивановича, а другой у Глафиры Матвеевны.

– А закрыть этот удивительный замок изнутри без ключа нельзя?

– Вот представьте себе! Сколько раз я уговаривал Петра Ивановича поменять этот чертов замок или сделать еще пять запасных клечей, но, похоже, ему нравится все как есть.

Экономка тут же начала спорить с управляющим о достоинствах такой системы, позволяющей ей точно знать, покидал ли кто-нибудь дом после того, как она запирает дверь на ночь. Управляющий возражал, говоря, что нет такого замка, который нельзя было бы вскрыть при необходимости и должной сноровке. И только Анфиса рассуждала совсем о других вещах, а именно – могла ли вчерашняя дама, приходившая к Александру, оказаться нарочным.

Очевидно Александр просто хотел скрыть визит таинственной женщины, да и возмущение замком, скорее всего, вызвано лишь тем, что его конструкция не позволила ему утаить факт ночного визита. Быть может, вчера у него было

романтическое свидание, и теперь он волнуется о репутации дамы?

Анфиса повнимательнее присмотрелась к управляющему. Он, безусловно, обладал притягательной наружностью, хотя внешность его имела мало общего с классической красотой. Нос мужчины, пожалуй, можно было назвать орлиным, а темные глаза и волосы придавали еще больше хищности его образу. Александр, наверняка, мог покорить женское сердце, и одна из его поклонниц вполне могла решиться здравого смысла настолько, чтобы заявиться в дом посреди ночи.

Хотя сейчас, рассмотрев управляющего как следует, Анфиса удивилась тому, как молод он был. На вид Александру не было и тридцати, а может и двадцати пяти лет. За исключением хитрых, внимательных глаз, все в его внешности указывало на то, что он достаточно юн. В то время как вчерашняя дама, скорее уж, была женщиной средних лет.

Отбросив мысли об амурных пристрастиях управляющего, Анфиса задалась другими вопросами. На оба ли замка была закрыта дверь в ночь исчезновения Тани? Видел ли кто-нибудь, кроме нее, платье под кроватью в спальне девушки? И нашел ли таинственную записку в коробке с ним?

Понимая, что прямо рассказать присутствующим о своих ночных похождениях по дому она не может, Анфиса попробовала начать из далека:

– Признаться, я потрясена произошедшем с Татьяной Петровной. Вчера я старалась успокоить девочек, сказав, что

Петр Иванович и полиция делают все возможное, чтобы как можно скорее вернуть ее домой. Но может, если бы я рассказала им о конкретных действиях, предпринимаемых для поиска сестры, им стало бы спокойнее? Скажите пожалуйста, полиция проверяла замки, осматривала спальню Татьяны? Возможно, уже есть какая-нибудь версия произошедшего?

По недовольному лицу экономки Анфиса сразу же поняла, что ее попытка разузнать хоть что-то о ходе поисков оказалась неудачной. Но, как ни странно, Александр опередил Глафиру Матвеевну и первым ответил на вопрос:

– Спешу вас заверить, что полиция делает все необходимое и с должным рвением. Входная дверь в то утро была заперта на оба замка, следов взлома обнаружено не было. Что до разговоров с Катей и Лизой о ходе поисков, то я настоятельно рекомендую вам не тревожить детей понапрасну. Не хочу показаться грубым, но вас пригласили в этот дом, чтобы заниматься воспитанием девочек. Прошу, оставьте полиции ее работу. Лучшее, что вы можете сделать для детей, так это постараться занять их чем-нибудь полезным, чтобы у них не оставалось времени на бессмысленные волнения.

В этот момент в столовую вошел лакей, держа на маленьком подносе утреннюю почту. Александр тут же принялся вскрывать одно письмо за другим, бегло прочитывать каждое, а после раскладывая корреспонденцию в две стопки на столе. Тем самым он давал понять, что теперь занят по-настоящему важным делом, и их с Анфисой беседа законче-

на. Девушку возмущало, что управляющий сам решил, как и когда прекратить с нею разговор. Но, что там Анфиса, даже Глафира Матвеевна не смела более заговорить с управляющим, понимая, что время для этого более неподходящее. Казалось, в этом доме Александр Иванович пользовался каким-то особенным авторитетом, природа которого Анфисе была не совсем понятна. Однако, все происходящее вокруг говорило о том, что в отсутствие купца, роль хозяина дома выполнял именно он.

Уже то обстоятельство, что Александр жил в доме своего нанимателя, который, как говорят, не терпит лишних людей даже из прислуги, было весьма интригующим. По мнению Анфисы, скорее всего, это свидетельствовало об абсолютном доверии купца к своему протеже. Но, какими бы полномочиями не обладал Александр в доме, слова его сильно задели Анфису, и теперь более всего остального ей хотелось поскорее закончить с завтраком и уйти из-за стола. Несколько минут спустя Анфиса уже покидала столовую, но краем глаза заметила, что одно из многочисленных сегодняшних писем Александр не стал вскрывать, как все прочие, а вместо этого спрятал в карман пиджака.

Как ни старалась Анфиса полностью увлечься занятиями с девочками, мысли ее то и дело возвращались к коробке под кроватью Татьяны. Анфиса была убеждена, что она единственная, кто знал о существовании загадочного платя

с потусторонним посланием. Конечно, было несколько самонадеянно думать, что она сможет отыскать разгадку пропажи Тани скорее, чем полиция, но у девушки никак не получалось убедить себя, что исчезновение хозяйской дочери не ее забота.

Сегодня девочки снова не проявляли интереса к учебе. Они постоянно отвлекались, а Анфиса, зная об их горе, не могла заставить себя проявить строгость. В итоге вместо скучной французской грамматики было решено поговорить о том, что доставляет сестрам истинное удовольствие. Выяснилось, что Лиза очень любит писать акварелью, а Катя не смогла выбрать между чтением и игрой в шахматы. Последнее очень удивило Анфису, так как шахматы сложно было отнести к обычным увлечениям девочек Катиного возраста. Но младшая Еремеева с гордостью заявила, что однажды даже обыграла самого Александра Ивановича. И хоть Лиза была уверена, что управляющий просто поддался, Катя настаивала, что победа была самая что ни на есть честная.

Чтобы прекратить спор между сестрами, Анфиса попросила Лизу показать свои этюды. Девочка быстро сходилa за папкой в детскую, а затем, немного смущаясь, но не без гордости стала демонстрировать гувернантке свои работы. В основном в арсенале Кати были городские пейзажи. То тут, то там мелькали очертания торгового дома Еремеевых, представавшего на картинах ребенка отдельным сказочным миром на фоне серого города. Но иногда попадались и портре-

ты. Когда Анфиса взяла один из них, Катя и Лиза одновременно опустили глаза.

«Должно быть, это портрет Татьяны», – подумала гувернантка.

С акварели на Анфису смотрела симпатичная круглолицая девушка с большими зелеными глазами. Над верхней губой Тани была очаровательная родинка, придававшая лицу немного игривое, чувственное выражение.

Поняв, что убрать портрет обратно и сделать вид, будто бы ничего не произошло, она не сможет, Анфиса попробовала улыбнуться и сказала, что Таня очень красивая и что обе девочки на нее по-своему похожи. Сестры грустно улыбнулись в ответ. Тогда Анфиса собралась с силами и постаралась объяснить воспитанницам, что пусть у них и нет возможности помочь в поисках сестры, но в их силах провести время до ее возвращения таким образом, чтобы, когда та вернется домой, им не было стыдно за свое безделье.

На мгновение гувернантке показалось, что она смогла воодушевить детей. Тогда Анфиса положила перед ними внушительных размеров русско-французский словарь и попросила каждую написать небольшое сочинение о своем увлечении, проверяя написание сложных слов по словарю. Анфиса сказала, что на подготовку у девочек будет ровно час, после чего вышла из классной комнаты и направилась напрямик в Танину спальню, повторяя про себя: «Я-то уже не ребенок и могу сама во всем разобраться! И не важно, что там себе

думает какой-то там управляющий!».

Анфиса удивлялась собственной решимости. Войдя в комнату Тани, она твердой рукой вытащила коробку с платьем из-под кровати, достала записку, прочитала послание несколько раз, после чего спрятала листок бумаги под отложным воротничком своего платья. В дневном свете подвенечный наряд в коробке производил куда меньшее впечатление. Да, платье было богато украшено, и цвет был изумительный, но вот фасон при ближайшем рассмотрении показался Анфисе ужасно несовременным. Да и сама идея отправлять молодой девушке платье с предостережением никогда его не надевать казалась до крайности нелепой.

Оглядевшись по сторонам, Анфиса заметила возле туалетного столика корзинку с рукоделием и, немного поискав в ней, извлекла оттуда ножницы. С их помощью девушка аккуратно срезала три жемчужные пуговицы с манжетов. По задумке Анфисы, эти пуговички должны были помочь ей отследить судьбу злосчастного подарка. Она также решила позаботиться о максимально точном эскизе. Брать платье целиком было неуместно, да и непрактично.

Убедившись, что она в мельчайших подробностях запомнила платье, Анфиса сложила его в коробку. И, задвинув ее под кровать, провела взглядом по комнате. Удивительное дело – дневной свет. В нем все кажется гораздо проще и прозаичнее. Вспоминая свои ощущения вчера ночью, Анфиса

не понимала, что именно могло создать у нее такое странное впечатление. Ну да, гадальные карты, но тут же рядом с ними лежали и вполне обычные игральные – на письменном столе был разложен незаконченный пасьянс. А кроме забавного стеклянного пресс-папье в комнате, пожалуй, больше и не было ничего мистического. Если Татьяна и интересовалась чем-то потусторонним, то лишь из любопытства, наряду со всем прочим. Сама спальня могла показаться таинственной разве что в тусклом свете уличного фонаря. Сейчас же перед глазами Анфисы была светлая девичья комната с изящными обоями, на которых были изображены лебеди, и со множеством цветов в горшках. Высокие потолки и светлый цвет стен делали спальню очень приятной. Пожалуй, эта комната могла бы характеризовать хозяйку как барышню романтическую и даже в чем-то наивную.

И все-таки Анфису что-то смущало. Даже не конкретно в комнате, а, скорее, во всем доме Еремеевых. Интерьеры были выполнены со вкусом, мебель дорогая и изысканная, но что-то было не так. После того, как Лиза показала свои акварельные этюды, Анфису осенило – нигде в доме, ни на одной из стен не было ни одного женского портрета! А ведь супруга купца умерла всего лишь пять лет назад, и было бы разумно предположить, что ее изображения должны были сохранить. Особенно учитывая то, что дом так и не обзавёлся новой хозяйкой, которая могла бы чувствовать себя неуютно под взглядом покойной Марии Васильевны.

У Тани изображение матери наверняка должно было где-то быть. Ведь ей на момент смерти мамы было уже двенадцать, и она должна была дорожить воспоминаниями о покойной. Анфиса еще раз, предельно внимательно осмотрела комнату. Нет, ничего. Ни одного портрета. Ни на туалетном, ни на прикроватном столике, ни на полках с книгами, ни на письменном столе.

Убежденная, что портрет матери у Татьяны есть, Анфиса вспомнила, что сама она хранит фотографию родителей в дорожной библии, и подумала, что Таня могла поступить таким же образом. Библия нашлась, но вот портрета в нем не было. Тогда гувернантка без особой надежды посмотрела на книжные стеллажи. Если искать в каждой из книг, то на это уйдет не одна неделя, а то и месяц. Но Анфиса призвала мысли к порядку. Если Татьяна дорожила портретом, но, по каким-то соображениям, не поставила его на видное место, значит выбранная для хранения книга должна, во-первых, быть как-то связана для Тани с воспоминаниями о маме, во-вторых, не должна привлекать внимание младших сестер, которые могли из любопытства взять книжку, не спросив перед этим разрешения. Разглядывая корешки в плотных рядах Анфиса спустя некоторое время обратила внимание на небольшой томик в твердом переплете с названием «Мифы древней Греции». Примечательно было то, что книга с таким же названием, но в другом, более красочном, иллюстрированном издании уже попадалась Анфисе рядом ни-

же. К тому же верхний уголок переплета немного отслоился, как бывает, когда томик часто вытаскивают из плотного ряда книг.

Анфиса аккуратно достала «Мифы» с полки и тут же раскрыла. Девушке невероятно повезло. На первой же странице читателя встречала подарочная надпись, сделанная аккуратным женским почерком:

«Дорогой доченьке, Танечке, в день рождения. С Любовью, Мама.»

Аккуратно листая страницы, Анфиса таки нашла что искала, на странице с мифом о Медее лежала небольшая свадебная фотокарточка. На снимке совершенно точно был запечатлен купец со своей новобрачной. Анфисе пока не доводилось видеть ни купца, ни портрета его покойной жены, но она была готова поспорить на что угодно, что перед ней именно свадебный портрет Еремеевых. Женщина на фотографии была в том самом подвенечном платье, которое теперь лежало под Таниной кроватью, а над верхней губой невесты была видна очаровательная родинка, почти такая же, как и у Тани на написанном сестрой портрете.

На фото Еремеевы выглядели очень счастливыми. Невеста сидела на стуле и лучезарно улыбалась в объектив фотоаппарата, в то время как жених, стоящий подле нее, буквально не мог отвести от супруги влюбленного взгляда, протягивая ей букет светлых пионов. Даже у Анфисы, незнакомой лично с людьми на фотокарточке, защемило сердце от пони-

мания, что смерть разлучила двух любящих людей. Глядя на фотографию, девушка, казалось, понимала, почему купец не пожелал еще раз идти под венец. Сложно представить, чтобы он мог посмотреть на какого-либо еще таким же влюбленным взглядом.

Тут часы в гостиной пробили одиннадцать. Поняв, что час, данный для написания воспитанницами сочинения, подходит к концу, Анфиса вернула фотографию и книгу на место. Бесшумно вышла из Таненой спальни и пошла в классную комнату.

Несколько дней спустя, поздно вечером, когда дети уже спали, а приходящая на день прислуга покинула дом, Анфиса сидела на кухне перед эскизом подвенечного платья из комнаты Тани. Рисование никогда не относилось к числу ее талантов, но это был уже пятый набросок, и Анфисе удалось добиться довольно сносного сходства.

Конечно работать над эскизом можно было бы и в своей комнате, но за долгие годы, проведенные в кругу воспитанниц Смольного, Анфиса, казалось, совершенно отвыкла от одиночества и потому любила по поводу и без приходить на кухню, чтобы обменяться парой слов с горничными и кухаркой. Удивительно, но живя в дортуаре, Анфиса буквально мечтала о собственной комнате, а получив ее в свое распоряжение, поняла, что ей гораздо комфортнее быть среди людей. Горничные вначале сторонились Анфису, считая, что

благородной барышне нечего делать на кухне, но, познакомившись поближе, стали гораздо проще относиться к ее присутствию.

Ближе всего Анфисе удалось подружиться с няней Сонечкой. Это была молодая жизнерадостная девушка с веснушками на носу и щеках и огромной, соломенной копной волос. Волосы у Сони были такие густые, что чепец едва на них держался. Няня была особой очень скромной и, казалось, до жути боялась экономку, но с Анфисой держалась свободно и дружелюбно. Нрав у Сони был самый что ни на есть приветливый. Воспитанная в любящей семье с двенадцатью младшими братьями и сестрами, она с рождения нянчила детей, а когда подросла, пошла во служение к Еремееву и с Ванечкой управлялась играючи.

Была у няни и страсть всей жизни. Больше всего на свете она любила красивые наряды и собирала соответствующие печатные издания со всевозможными иллюстрациями и выкройками. У нее было несколько выпусков уже изрядно потрепанного «Дамского журнала», ныне популярного «Модного света» и даже два выпуска заграничного «The Gentlewoman», который для нее вечерами переводила Анфиса.

– А чего это ты тут рисуешь, никак, платье?

– Да вот, увидела где-то и никак не могу вспомнить, где. Теперь из головы не выходит. Посмотри, не видела ли ты такого?

Соня склонилась над рисунком и принялась внимательно его рассматривать.

— Красота-то какая. Уж поверь, если бы я где такое увидела, в жисть бы не позабыла. Это ж сколько жемчуга на такую вышивку надо! Тяжёлое небось, жуть.

Сонечка была девушкой простодушной, если говорила, что никогда не видела платье, скорее всего, так оно и было.

— А чего это ты, Анфиса, на подвенечные платья стала за-сматриваться? Уж не собралась ли замуж?

Анфиса лишь театрально вздохнула. Воспитанниц Смольного оберегали от посторонних глаз. В те редкие дни, когда они выезжали из института в Таврический сад, его даже специально для этого перекрывали. Поэтому похвастаться знакомством с молодыми людьми Анфиса не могла, о чем честно и призналась подруге.

— Тут, Соня, другое. Знаю, Глафира Матвеевна запретила об этом говорить, но... Мне эта история с Татьяной Ивановой никак покоя не дает. Молодая девушка исчезает из дома. На ум только одно объяснение приходит. Не сбежала ли она с каким-нибудь кавалером? Не знаешь, может она замуж собиралась, да Петр Иванович не пускал?

Соня опасливо покосилась на дверь, но всё-таки ответила, перейдя на заговорщический шёпот:

— Да как бы не наоборот!

Анфиса удивленно подняла брови.

— Хозяин того, старшую дочку уж больно хотел выдать за-

муж за Александра Ивановича, а она за него идти совсем не хотела. Уж сколько они из-за этого ругались! Что ни разговор меж ними – то скандал. Петр Иванович и раньше дочерей держал в строгости, а как Татьяна в брачный возраст вступила, так он сразу же ее к браку понуждать и начал. Я тебе так скажу, нрав у Петра Ивановича иной раз бывает очень крут. Такие капиталы без крутого нраву не нажить. Боюсь я, как бы он сам дочь свою и не выкрал!

– Это как же так?

– Ну, в комнате он ее уже запирали пару раз после крупных ссор, а тут может и вывез куда, чтобы она подумала как следует над браком с Александром Ивановичем...

В этот момент опасения Сони оправдались и на кухню бесшумно вошла экономка. По всей видимости, дама уже какое-то время подслушивала за дверью, а потому начала не с вопроса, а сразу же с наставлений.

– Мне кажется, Софья Петровна, мы с вами уже имели разговор о недостойных сплетнях и слухах. А вас, Анфиса Алексеевна, сам Александр Иванович просил прекратить выспрашивать обитателей дома о произошедшем!

Перепуганная Соня тут же начала извиняться:

– Да разве я душой где покривила? Правда ведь ругались... и запирали в комнате-с. Я сама-то видела. И идти замуж Татьяна Петровна за управляющего не хотела.

– А тебе-то откуда знать? Татьяна – барышня с приданным, не чета некоторым. Таким положено вначале интерес-

ничать, а не сразу на шею ухажёрам бросаться. А ты понапридумывала себе не пойми чего, теперь напраслину на людей наводишь. Сама-то с первого дня в доме Александру Ивановичу проходу не даешь, вот и видишь только то, что хочешь видеть. А Татьяна с Александром, между прочим, уже несколько месяцев каждое воскресенье из дома вместе выезжали то в театр, то на выставки, иной раз просто в парке погулять. Так что оставь, Софья, эти свои глупости и голову Анфисе Алексеевне не морочь!

Анфиса, которая в один момент узнала о жизни Татьяны в доме больше, чем за все предыдущие дни, буквально обомлела. Значит, вот почему управляющий так по-свойски ведет себя в купеческом доме! Небось уже считает себя хозяйским зятем! Но если он намеривался жениться на Тане, то кем была дама, приходившая к нему ночью? Обо всем этом Анфиса решила поразмыслить чуть позже. Прежде всего нужно было спасти подругу из-под обрушившегося на нее гнева экономки.

– Глафира Матвеевна, прошу вас, не сердитесь на нас с Софьей Петровной. На самом деле мы лишь обсуждали платья, вот и забылись.

Анфиса уже успела несколько изучить экономку. Более всего эта высохшая как чернослив женщина любила, когда окружающие признавали ее превосходство. Это заставляло ее в прямом смысле раздуваться от гордости и чувства собственной значимости, забывая обо всем на свете. И Анфиса

постаралась воспользоваться этой ее слабостью.

– Вы ведь уже лет пятнадцать служите у Еремеевых, наверняка были дружны с покойной супругой Петра Ивановича. Скажите пожалуйста, она была знатной модницей? С таким состоянием, как у ее мужа, она могла позволить одеваться лучше всех в столице...

Однако, к удивлению Анфисы, экономка не надулась от важности, а напротив, еще больше сморщилась, будто откусила дольку лимона. Упоминание о покойной хозяйке ей явно пришлось не по вкусу.

– Какое это имеет значение?! Какие наряды?

Анфиса поняла, что промахнулась, но отступить было уже поздно.

– Ну понимаете, в доме я не видела ни одного ее портрета. А мне было бы очень любопытно узнать, как она одевалась. Видите ли, я, как и Софья Петровна, равнодушна к нарядам. Вот мне и стало интересно...

Глафира Еремеевна недоверчиво смотрела на девушек. Но затем, заметив в руках у Сони номер «The Gentlewoman», видимо, сочла объяснение Анфисы достаточно правдоподобным и сообразовала ответить.

– Покойная Мария Васильевна не любила позировать, да и не выезжала она никуда, так что никаких особенных нарядов у нее не было. После смерти от силы с пяток приличных платьев осталось. Петр Иванович, будучи человеком сугубо практичным, велел мне их все снести в магазин к Лаврентье-

вой. Так что и говорить не о чем. А что до вас, сударыни. Еще раз услышу, что вы заняты сплетнями, лично напишу Петру Ивановичу и попрошу разрешения подыскать вам замену!

Последняя угроза подействовала не только на Соню, но и на Анфису. Для обеих девушек служба у Еремеева была счастливым билетом, и рисковать своим местом ни одна из них не хотела. Анфиса с сожалением поняла, что больше она вряд ли сможет что-либо еще узнать у Сони. Няня выглядела до того перепуганной, что когда экономка резко развернулась и вышла из кухни, Анфисе еще с полчаса пришлось отпаивать подругу чаем и уверять, что все обойдется, и старая ведьма никому ни о чем не напишет.

Глава 3. Встреча в магазине готового платья

Через неделю, в свой первый выходной, Анфиса поехала в магазин готового платья мадам Лаврентьевой. Хозяйка магазина никакого отношения к Франции не имела, но отчего-то предпочитала именно такое обращение, и, более того, вынесла его в название магазина, которое было выведено изящными вензелями на вывеске при входе.

Магазинчик Лаврентьевой был очаровательным, небольшим, но уютным. В витринном окне были представлены самые яркие и эксцентричные дамские наряды, а также отрезы дорогой ткани, перчатки и зонтики. Словом, все то, что являлось предметом желания любой кокетки.

Еще совсем недавно этот магазин был самым популярным местом в городе, привлекающим внимание всех столичных модниц. Но былая слава его прошла, и вот уже когда-то фешенебельному магазину дамского платья приходилось конкурировать с новыми, порой куда более успешными пассажирами, один из которых недавно открылся всего в пяти минутах ходьбы. Некоторые горожане также объясняли спад популярности магазина непростым характером мадам, однако, ее постоянные клиенты были уверены, что хозяйка сама любезность, а неприятные отзывы лишь происки завистников и конкурентов. Какому из этих двух мнений следует доверять,

Анфиса не знала до первого визита в магазин:

– Барышня, да-да, я к вам обращаюсь! Не загораживайте, пожалуйста, витрину. Тут вам не театр.

Анфиса, которая меньше минуты назад подошла ко входу в магазин и остановилась, чтобы как следует рассмотреть изящные голубые перчатки, выставленные в окне, не сразу осознала, что хозяйка обращается именно к ней.

– Прошу прощения?

Мысль о том, что ей не будут рады в магазине никогда не приходила Анфисе в голову. Да, выглядела она, пожалуй, гораздо скромнее выходящих из магазина дам. Простое шерстяное платье в крупную клетку выдавало в ней гувернантку, а не модницу. А вот прощающиеся с мадам барышни все, как на подбор, были утянуты в модные нынче юбки с пышными турнюрками. Однако, подобное обращение с ней, потенциальной покупательницей, показалось Анфисе не просто бестактным, а до крайности неприличным. Чувствуя, что краснеет под откровенно недоброжелательным взглядом Лаврентьевой, Анфиса уже собралась было развернуться и уйти, как вдруг из-за спины раздался хорошо знакомый голос:

– Знаменская? Анфиса? Ты ли это?!

Анфиса подняла глаза к небу. Худшего и представить себе было трудно. Свидетельницей ее позорного отступления суждено было стать её давней сопернице, тоже обладательнице золотого шифра Смольного, Агафье Зверевой. Агафья была единственной дочерью ныне действующего министра

коммерции и одного из самых богатых и влиятельных людей Петербурга. Как и полагает молодой барышне ее возраста и положения, выглядела Агафья роскошно. На ней был наряд из красного рытого бархата, самой дорогой материи этого года, достать которую можно было разве что за границей. А отливающие медью волосы были изящно уложены под модной миниатюрной шляпкой.

Впервые Анфиса и Агафья видели друг друга за пределами института. Больше не было одинаковой белой формы с пудермантелями, которая создавала иллюзию равенства между воспитанницами, и сейчас новоиспечённая гувернантка в полной мере испытала на себе безоговорочное социальное и финансовое превосходство министерской дочери.

Стоило Анфисе только повернуться, как лицо Агафьи озарила победоносная улыбка. Выходя из дома сегодня утром, Зверева явно не ожидала такого подарка судьбы и сейчас чуть ли ни с ликованием разглядывала скромно одетую Анфису. Мысленно припоминая как всего несколько недель назад та смела исправлять ее на уроке словесности.

Отношения между ученицами не заладились буквально с первого дня знакомства. Агафья должна была отправиться на учебу в модный английский пансион, но из-за внезапного прилива патриотизма отца, вызванного назначением на должность в министерство, ее отправили в Смольный, известный своею строгостью и аскетичностью. Выросшей в

комфорте и роскоши Зверевой пришлось нелегко. Стоило лишь воспитателю отвернуться, как она тут же самыми недостойными словами выражала свое отношение к учебному заведению и его воспитанницам. Анфисе, для которой Смольный стал единственным домом, подобное отношение Агафьи было оскорбительным. Масла в огонь также подливали и классные дамы, извлекавшие выгоду из конкуренции между двумя способными ученицами. Как итог, сегодня Анфиса предпочла бы встретить кого угодно, лишь бы не Агафью Звереву.

– Ты уже уходишь? А мы с мамА как раз решили зайти к мадам Лаврентьевой посмотреть на новые поступления. Если хочешь, можешь присоединиться к нам, уверенна, маменька будет не против.

Стоявшая рядом совершенно невзрачная женщина, о которой и сказать-то было нечего, лишь согласно кивнула, едва удостоив знакомую дочери взглядом.

Анфиса уже набирала в легкие воздуха, чтобы выдать вежливый отказ, но тут вспомнила замечание Александра Ивановича о том, чтобы она оставила поиски Татьяны полиции. И что же получается? Она только приступила к расследованию и уже бежит, поджавши хвост, лишь потому, что для кого-то ее внешний вид недостаточно хорош, чтобы войти в магазин? Анфиса понимала, что, учитывая отношение мадам к скромно одетым посетителям, другого случая побеседовать с ней может и не представиться. Пригласив

чувство уязвленного достоинства, Анфиса ловко изобразила улыбку, поздоровалась с Агафьей и ее мамой, после чего тенью скользнула за ними внутрь магазина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.